

«ПРЕДАТЬ СУДУ РЕВТРИБУНАЛА КАК ЭЛЕМЕНТА, СТОЯЩЕГО НА ПУТИ ТРУДОВОГО НАРОДА»: КАЗНЬ ВОЙСКОВОГО СТАРШИНЫ Г. К. ДЕРЕВЯНОВА В КРАСНОМ ОРЕНБУРГЕ ЛЕТОМ 1919 ГОДА

На фоне активизации исторического ревизионизма в вопросе о терроре периода Гражданской войны необходима углубленная разработка этой темы и выявление не введенных в научный оборот документальных материалов. Одним из неизученных вопросов остается красный террор в осажденном белыми Оренбурге весной — летом 1919 г. Попробуем рассмотреть этот сюжет на примере казни войскового старшины Г. К. Деревянова в августе 1919 г.

Среди документов Реввоентрибунала 1-й советской армии сохранилось дело «по обвинению бывшего подполковника Деревянова Георгия в пропаганде против Советской власти». Начато оно 8 июля, а закончено 12 августа 1919 г.

События, повлекшие за собой расстрел офицера, произошли 8 июля 1919 г. Около 20 часов на Беловке (бульвар в центре Оренбурга на берегу Урала) милиционер 1-го участка Михаил Лапин и красноармеец комендантской команды Василий Кармаков (Кормаков) задержали бывшего войскового старшину Георгия Деревянова.

Писарь комендантского управления записал показания свидетелей и участников инцидента: «Я, красноармеец комендантской команды Алексеев Александр, сидел на Беловке, ко мне подошел Деревянов и понемногу завязался разговор. Деревянов стал убеждать меня в том, что теперь, когда нет ни фабрикантов, ни купцов, ни помещиков, вы совсем пропадете. Красные вам ничем не помогут, так и будете работниками. Вот уже они (видимо, белые. — А. Г.) взяли Царицын, скоро возьмут Камышин, Саратов, Уральск, а затем и сюда придут. Скоро все равно Оренбург будет в руках казаков. Вообще все, что он говорил, было ясно, что он ярый контрреволюционер. Больше ничего показать не имею, протокол прочтен мне правильно. Алексеев Александр, а за неграмотного по его личной просьбе расписался [подпись неразборчива]»¹. Интересно, что в показаниях напечатано: «Деревянов стал убеждать Алексеева». Однако вторая фамилия вычеркнута и вписано «меня». Такое исправление может свидетельствовать, что за участников событий показания формулировал следователь.

Ниже следовало показание непосредственно задержавшего Деревянова красноармейца Кармакова: «Я, красноармеец комендантской команды Кормаков Василий, сидел на Беловке и слышал, как вышеназванный Деревянов в чем-то старался убедить красноармейца нашей же команды Алексева. Из разговора ко мне донеслось, что Деревянов говорил, что вы не сумеете обработать землю без помещиков, т. к. не можете. Фабрики у вас не пойдут и еще что-то. Когда они кончили, к нему подошел милиционер т. Лапин и стал задерживать его. Деревянов побежал вниз к Уралу. Я побежал скорее в команду за винтовкой и когда я шел обратно, мне навстречу попался т. Лапин, который вел уже Деревянова, все вышесказанное мною подтверждаю, в чем и подписуюсь»².

Задержавший Деревянова милиционер М. И. Лапин показал: «Я, милиционер 1-го участка Лапин Михаил, сидел на Беловке и увидел, как Деревянов убеждал Алексева. Говорил он все то, что показал т. Алексеев. Когда он сказал, что все равно скоро Оренбург будет взят казаками, они окончили разговор и стали расходиться.

Я решил задержать их обоих, и когда я подошел с Алексеевым и Деревяновым, то последний побежал вниз к Уралу. Я обнажил шашку и закричал, чтобы он остановился. Задержав его, я направился к коменданту города. Навстречу мне попался т. Корманов, который бежал за винтовкой, чтобы помочь задержать его. Все вышесказанное подтверждаю, в чем и подписуюсь»³.

Сам Деревянов сообщил на допросе следующее: «Я, гражданин города Оренбурга (бывший подполковник казачьего войска) Георгий Деревянов, сидел действительно на Беловке с Алексеевым и говорил, что красные без купцов, фабрикантов и помещиков не проживут. Хотя у вас земли и много, но все равно вы ее не обработаете. Фабрики у вас сейчас стоят и не пойдут, попробуйте-ка поработать одни, да запахать землю. Про то, что скоро казаки сюда придут, я не говорил. Про вышесказанное я скажу то, что у всякого есть свое мнение, что я думал, я и сказал. Раз теперь свобода слова и мнения, а также равенство и братство, то теперь каждый может говорить все, что он думает, и я ни в чем себя виновным не признаю, ибо у одного мнения одни, а у другого — другие. Больше показать я ничего не имею, протокол прочтен мне правильно, в чем и подписуюсь»⁴. Видимо, несмотря на поразительную наивность, Деревянов понял, чем может обернуться для него неосторожный разговор, за который он уже поплатился лишением свободы, и стал отрицать наиболее опасные высказывания.

В деле сохранился паспорт Деревянова, выданный ему в 1913 г. В документе отмечено, что Георгий Константинович Деревянов, являвшийся отставным войсковым старшиной, родился 11 апреля 1866 г. Был православного вероисповедания, холост и постоянно проживал в Оренбурге. В отставку он вышел 24 марта 1910 г.⁵ Данных о его последующем возвращении на службу нет. Картину дополняют и другие документы, из которых следует, что Деревянов — уже немолодой человек, бывший офицер, ветеран Русско-японской войны, пенсионер. В отставке он находился достаточно давно, поэтому не участвовал ни в Первой мировой, ни в Гражданской войне. Пенсии в 123 руб. 27 коп. в месяц⁶, которую он получал, видимо, от советской власти, на жизнь не хватало, поэтому приходилось распродавать кое-что из вещей.

Обыск на квартире Деревянова (Кирилловский переулок, 10), произведенный в день задержания, ничего особенного не дал. Нашли стандартные предметы офицерского быта: револьверный шнур, офицерскую портупею, пару эполет, четыре офицерские кокарды, семь пар офицерских погон, подсумок с короной и пачку писем⁷. Однако свой офицерский статус Деревянов и не скрывал. Позднее при обыске нашли ничего не значащие вырезки из газет о займах и аннулировании ценных бумаг, записку, 310 рублей, расписку и два ключа⁸. Родных у Деревянова не было, и никто, кроме него самого, не ходатайствовал об облегчении его участи в период ареста.

Комендант Оренбурга 8 июля препроводил Деревянова с протоколом дознания в Особый отдел РВС 1-й армии⁹. Деревянов обвинялся в агитации среди красноармейцев.

12 июля Деревянов обратился к коменданту города с заявлением: «В разговоре 8 июля с/г между мной и крестьянином, не я, а он, крестьянин, мне говорил, что г. Уральск взят большевиками, что под гор. Уральском казаки потерпели поражение, их, казаков, гонят большевики на г. Оренбург, но об г. Оренбурге он ничего не говорил. При составлении же протокола крестьянин почему[-то] свои слова приписал мне с добавлением о взятии г. Оренбурга. Из упомянутых слов крестьянина видна одна глупейшая нелепость, а совсем не провокация. Раз уральские казаки разбиты большевиками под гор[одом] Уральском, не могли удержать своего родного города и, будучи теснимы на г. Оренбург, то, спрашивается, могут ли они подать руку помощи оренбургским казакам и помочь им взять г. Оренбург; один ответ: нет. Таковую небылицу может говорить только один крестьянин, а не человек, который сколько-нибудь понимает военное дело. Казаки, припертые с двух сторон большевиками, неминуемо будут разбиты. О чем и доношу Вам»¹⁰. Сама логика рассуждений в этом прошении выдавала настроения казачьего офицера, смотревшего на обстановку с точки зрения белых. На допросе 16 июля Деревянов себя виновным в дезорганизации Красной армии и в пропаганде не признал¹¹.

Между тем Алексеев из соучастника крамольной беседы превратился в свидетеля и сознательного красноармейца. Следовательно 17 июля отметил в заключении по делу, что в результате «сталкивания Деревянова с сознательными товарищами красноармейцами Алексеевым и Кармаковым... которые прекрасно поняли, что такой элемент как Деревянов пляшет прекрасно под дудку буржуазии и своевременно постарались его припрятать, куда следует, иначе Деревянов среди малосознательных новобранцев, где, как на Беловке, их собирают немало, в будущем мог бы сыграть большую роль, что повлекло бы за собой нежелательные эксцессы. При последнем опросе Деревянов пытается даже отказаться от своих показаний, что показал на допросе у коменданта гор. Оренбурга, чувствуя, что он, наконец, доораторствовался, а посему заключаю, что Деревянову обвинение вполне доказано, хотя он и понимает иначе, но эта его лишняя хитрость не пройдет без наказания, и настоящее дело передать в военно-революционный трибунал»¹². На документе имелась резолюция: «Предать суду ревтрибунала как элемента, стоящего на пути трудового народа»¹³. Таким образом, крамольные разговоры в осажденном городе, где находились массы простых малообразованных красноармейцев, подверженных пропаганде, были сочтены опасными. Принималось во внимание и социальное происхождение Деревянова. Неудивительно, что кадровый казачий офицер, представитель свергнутых классов (к таковым относили, прежде всего, буржуазию и интеллигенцию¹⁴), противопоставлялся трудовому народу. На следующий день дело Деревянова передали в Реввоен-трибунал при штабе обороны Оренбурга. К этому времени арестант содержался в одиночной камере Оренбургской губернской тюрьмы.

Деревянов, видимо, понял, что дело может кончиться плохо, и 17 июля подал прошение следователю «военно-революционного суда», написанное со старорежимными оборотами и взывавшее к логике в том виде, в каком понимал случившееся сам арестованный, а также к совести: «Имею честь сообщить Вам о нижеследующем: 1) Вы меня обвиняете в шпионстве, но я сильно глухой и при том больной, комиссией врачей от 19 апреля и 3 июля с/г я признан негодным к военной службе и, следовательно, не гождусь и в шпионы; 2) Кроме того, Вы обвиняете меня в дезорганизации армии, но дезорганизация армии происходит по двум причинам: от постановки и ведения самого дела и от высшего начальства. Наша армия в войну с Германией распалась от постоянных поражений и ослабления дисциплины высшего начальства Керенского. Так было в германской и других армиях. Плохая распашка земли, фабрики, завода никакого отношения к де[зо]рганизации армии не имеет, а, тем более, к шпионству. Армия на фронте. Не забывайте того, что лучше десять виновных оправдать, чем одного невинного осудить. Георгий Деревянов»¹⁵.

Очевидно, что такие доводы были неубедительны. Непригодность к службе не могла считаться гарантией неучастия в шпионаже, а дезорганизация армии под влиянием враждебной пропаганды — вполне заурядное явление. Самым же неубедительным было утверждение жителя осажденного белыми города, что армия находится где-то на фронте. Призывы к совести в условиях массового террора и бескомпромиссного противостояния с белыми тоже вряд ли могли быть услышаны.

В деле Деревянова почему-то оказались документы и других граждан, арестованных за различные мелкие преступления — кражу уздечки, угон скота, ссору с женой (фигурант Иван Соловых просил освободить его на время уборки хлеба как единственного в семье работника — видимо, сама жена уже была не рада аресту мужа)¹⁶.

Пятого августа состоялось заседание трибунала. На суд вызвали всех свидетелей. Председателем трибунала был Голубков, членами — Миронов и Куликов. Деревянов показал, что говорил о взятии Царицына белыми, о том, что без фабрик непонятно, как жить рабочим, а о том, что фабрики не пойдут без фабрикантов, по его словам, не говорил. Говорил, что без богатых людей не прожить. Когда задерживали, не убегал. Милиционер Лапин свидетельствовал, что «когда Деревянов сидел со стариком, то старик ему говорил, что теперь казаков отогнали и жить лучше будет, но Деревянов сказал, что вот придут уральские казаки, и они Вам дадут. Деревянов говорил, что у Вас земли много, но Вы ее обрабатывать не можете. Фабрики тоже не пойдут, потому что нет фабрикантов. Когда его задержали, то он стремился бежать, но тут

схватили»¹⁷. В конце заседания Деревянов отметил, что разговор был обыкновенным и не имел никакой цели.

Тем не менее, обвиняемый был приговорен отделом трибунала 1-й армии при 49-й стрелковой дивизии за пропаганду против советской власти и сопротивление задержанию к расстрелу. Вину сочли доказанной собственными признаниями Деревянова, а также показаниями свидетелей. Результат дела докладывался членами реввоен трибунала в центр — в Реввоен трибунал республики, который должен был утвердить приговор. Но в деле данных об утверждении обнаружить не удалось.

Разумеется, расстрельный приговор за ничего не значащий обывательский разговор не укладывался в голове. Узнав, что его дела плохи, Деревянов 6 и 10 августа написал два прошения в трибунал, пометив каждое грифами «В[есьма] срочное» и «В[есьма] спешное». В первом прошении он писал: «5 августа с/г решением Военно-революционного трибунала я приговорен к расстрелу за пропаганду [против] строя Советской власти. Суть дела заключалась в следующем: 8 июля в беседе с крестьянином Алексеевым я сказал, что фабрики и заводы закрылись и не откроются. Но чья вина в закрытии фабрик и заводов, и они не откроются. Трибунал меня не спросил, Советская ли власть или другие правительства, и это дело осталось не выясненным. Теперь я хочу доложить трибуналу, что фабрики и заводы стали плохо работать при Николае II и окончательно закрылись в управление Россией Керенского. Следовательно, вина тут не Советской власти, а других правительств и пропаганда [против] строя нынешнего правительства сама по себе отпадает. Никто одному человеку пропагандировать ни о чем не согласится, а глухие люди, как я, и не могут. Кроме разговора о фабриках были и другие разговоры, как о плохой распахке земли мужиками, которая к пропаганде [против] строя совсем не относится. Следовательно, во всем разговоре и тени нет пропаганды. Что касается купцов и фабрикантов, то опять-таки не вина Советской власти, что они уехали все за границу, а вина Николая II^{го}, Керенского. Спрос людей на рабский труд, думаю, уменьшится.

От красноармейца, который меня арестовал, я не бежал, но и не шел сначала с ним, потому только, что был приказ по гарнизону, что без мандатов самочинных арестов и обысков производить не имеют права. Красноармеец должен в этом случае заявить городской милиции, которая меня бы арестовала. О следователе я скажу, что он меня спросил, признаю я себя виновным или нет, я ответил, что не признаю и теперь об этом заявляю. Он стал на меня кричать, а когда стал меня обвинять в шпионаже и дезорганизации армии, то я стал возражать, что он ошибается.

На суде так скверно вышло для меня, потому что каждый обвинял меня по-своему: красноармеец в подрыве авторитета Советской власти, комендант гор. Оренбурга в провокации, следователь в шпионстве и дезорганизации, а трибунал — в пропаганде [против] строя Советской власти. Человек я преклонных лет, плохо вижу и совсем почти не слышу, душевнобольной, поэтому покорнейше прошу Военно-революционный трибунал решение свое отменить и считать меня по суду оправданным. Если объяснение мое неполно, то прошу выслать мне в тюрьму копию с решения трибунала, и я отвечу более подробно. Так как я человек душевнобольной, поэтому прошу разрешения трибунала об отправлении меня в военный госпиталь для освидетельствования комиссией врачей о состоянии моего здоровья вообще и умственного моего расстройства в особенности»¹⁸. Деревянов так и не понял, в чем его вина, решив симулировать душевную болезнь.

В следующем прошении бывший офицер отметил: «В дополнение прошения моего от 6го августа имею честь донести трибуналу о нижеследующем: так как трибуналу известно, что я сильно глухой, а глухие и немые люди пропагандой заниматься не могут, одни по причине глухоты, а другие по причине отсутствия языка, а так как я глухой и могу разговаривать с одним-двумя человеками громко только на близком расстоянии, а в 10–12 шагах я не слышу, тогда как люди с хорошим слухом и на 50 шагов и далее. С 20–30 человеками я говорить не могу, так как по причине недослышки я должен каждого переспрашивать, что неудобно. Следовательно, я заниматься пропагандой не в состоянии. О существующем строе Советской России по поводу закрытия фабрик и заводов еще раз скажу, что фабрики и заводы стали плохо работать и закрываться при Николае II и совершенно закрылись при Керенском.

Следовательно, Советская власть ни в чем не виновата, а раз не виновата, то в защите других людей она не нуждается, и строй этот не ей создан. Кроме разговора о фабриках были разговоры о распашке земли и о занятии г. Оренбурга, что не относится к строю, при этом видно, что был только частный разговор, а не пропаганда. Раз в составе разговора нет преступления, то шероховатости со следователем и красноармейцем должны отпасть. Ввиду вышеизложенного покорнейше прошу военный трибунал по суду меня оправдать»¹⁹.

Прошения просматривали в губернской тюрьме, о чем свидетельствуют соответствующие штампы, читал ли эти излияния приговоренного к расстрелу кто-то дальше — неизвестно. Как бы то ни было, на участь приговоренного эти ходатайства не повлияли.

11 августа Деревянова передали коменданту города для расстрела, который надлежало произвести в присутствии члена трибунала²⁰. О приведении приговора в исполнение свидетельствует запись на последнем листе дела: «Настоящий приговор приведен в исполнение в ночь на 12ое августа в 1 час 40 минут около винного склада у реки Урала. При выполнении настоящего приговора присутствовали: комендант города Оренбурга т. Спирин, член Реввоен трибунала т. Ковалевский, представитель политотдела 49[-й] дивизии т. Федченко, старш[ий] адъютант т. Чурсин и взвод кавалерии от Губчека»²¹.

В марте 2005 г. прокуратура города Москвы реабилитировала Деревянова как репрессированного по политическим мотивам²².

* * *

Ревтрибуналы в период Гражданской войны выступали в качестве чрезвычайных органов борьбы с контрреволюцией и прочими преступлениями, опасными для новой власти. Полномочия их были, по сути, неограниченными, но четкой правовой базы для этой деятельности не существовало. В частности, кассационный отдел ВЦИК 6 октября 1918 г. постановил считать контрреволюционными «всякие выступления, независимо от повода, по которым они возникли, против Советов, или их исполнительных комитетов, или отдельных советских учреждений... если они сопровождались разгромами или иными насильственными действиями, или хотя бы угрозами таковых по отношению к деятельности или деятелям этих органов»²³. Такое постановление в условиях военного времени допускало широкую трактовку, вплоть до ответственности, как в случае с Деревяновым, за обывательский разговор, трактовавшийся как антисоветская агитация.

История гибели войскового старшины Деревянова показательна. Оренбург летом 1919 г. находился в осаде белых войск, но эта осада в июле, когда и развернулись изложенные события, носила пассивный характер, а в августе колчаковские войска уже отошли от города. По обе стороны баррикад тогда сражались в большинстве своем простые малообразованные люди, не обладавшие широким кругозором, легко подверженные агитации и панике. В таких условиях подстрекательский разговор мог разлагающе влиять на защитников красного Оренбурга, что вызывало опасения представителей власти.

После месячного разбирательства реввоен трибунал приговорил Деревянова к расстрелу. При направлении дела в трибунал и вынесении сурового приговора учитывалось социальное происхождение подсудимого. Старшие офицеры казачьих войск не без оснований считались в массе своей крайне враждебными большевикам. Очевидно, недоволен новой властью был и Деревянов. Но едва ли у ретрограда и, видимо, не особенно умного человека Деревянова имелся злой умысел и реальная подстрекательская цель. Судя по всему, он просто неосторожно высказал свое личное мнение в обывательском разговоре с ближайшим доступным для безопасной беседы представителем нового режима. Тем не менее один из красноармейцев и сотрудник милиции проявили бдительность, задержав подстрекателя.

Расстрельный приговор был приведен в исполнение. Воздержусь от оценок, предоставив возможность читателям самим решать — соразмерно ли в той обстановке наказание вине Деревянова? Как бы то ни было, Гражданская война была жестокой

и бескомпромиссной, и таковой же являлась советская репрессивная практика на Южном Урале в то сложное время. Беспощадное подавление реальных и потенциальных врагов в конечном счете стало одной из причин победы большевиков в Гражданской войне.

Примечания

- ¹ РГВА. Ф. 24395. Оп. 1. Д. 164. Л. 3.
- ² Там же.
- ³ Там же. Л. 3 об.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Подробнее о нем см.: *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска, 1891–1945 : биогр. справ. М., 2007. С. 190.
- ⁶ РГВА. Ф. 24395. Оп. 1. Д. 164. Л. 37.
- ⁷ Там же. Л. 4.
- ⁸ Там же. Л. 6–10.
- ⁹ Там же. Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Л. 36 — 36 об.
- ¹¹ Там же. Л. 37 об.
- ¹² Там же. Л. 15 — 15 об.
- ¹³ Там же. Л. 15.
- ¹⁴ *Макутчев А. В.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. М., 2012. С. 115–117.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 24395. Оп. 1. Д. 164. Л. 18 — 18 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 20–20 об., 24–26, 31–33.
- ¹⁷ Там же. Л. 43 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 29 — 30 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 28 — 28 об.
- ²⁰ Там же. Л. 44.
- ²¹ Там же. Л. 46 об.
- ²² *Семенов В. Г.* Дополнение к биографическому справочнику «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска, 1891–1945». Оренбург, 2009. С. 21.
- ²³ Изв. ВЦИК. 1918. 6 окт. С. 4.